

За честную археологию

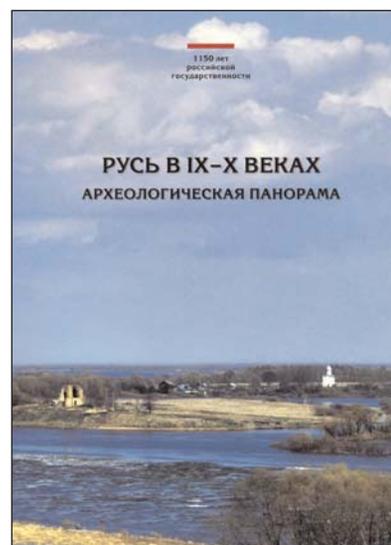
Н.А.Кренке, И.Ю.Стрикалов,
кандидаты исторических наук
Институт археологии РАН

Книга «Русь в IX—X веках: археологическая панорама» вышла без громких анонсов и презентаций и, тем не менее, стала важной поворотной точкой в развитии отечественной археологии. Можно сказать, что это торжество позитивизма, которого так не хватает в политизированных науках. Эта книга написана «на волне» предшествовавшей ей научной революции, имевшей два главных компонента. Во-первых, в 1980—1990-х гг. наконец была полноценно изучена славянская киевская археологическая культура III—V вв., занимавшая обширные смежные области современной северной Украины, Белоруссии, лесной и северной части лесостепной полосы России. Стало ясно, что восточноевропейские славяне жили в орбите королевства готов (черняховская культура), что, вероятно, способствовало появлению у них начатков государственности и активизации этнической консолидации. Затем восточным славянам выпал «счастливый билет» — возможность самостоятельного развития после разгрома готов гуннами. Таким образом, острота «норманнского вопроса» сместилась на 500 лет вглубь времен, и можно спокойнее разбираться с тем, что происходило в IX—X вв., когда начался новый и еще более мощный этап восточно-славянской этнокультурной и государственной консолидации, где норманны с их новой сверхуспешной военной тактикой морских и речных рейдов играли роль социально-катализатора.

Вторая составляющая научной революции конца XX в. в российской средневековой археологии — открытие и изучение сельских, протогородских и раннегородских поселений IX—X вв. Для них были получены надежные датировки с использованием методов дендрохронологии, радиоуглеродного датирования и проведен анализ комплекса находок (вплоть до мельчайшего бисера), которые собраны с помощью современных технологий тщательной промывки культурного слоя.

Этот период русской истории — IX—X вв., время становления российской государственности, — и стал темой рассматриваемого фундаментального труда. В каком-то смысле он стал продолжением серии сборников Института археологии, таких как «Русь в XIII веке», «Сельская Русь в IX—XVI вв.», «Русь и Восток в IX—XVI вв.» и др., выпуском которых подводился итог исследований по конкретной проблематике истории и археологии средневековой Руси. Однако есть и весьма важные отличия. Книга «Русь в IX—X веках: археологическая панорама» написана коллективом авторов, но это не сборник отдельных статей. Она объединена общими научными подходами к изложению материала, единой структурой и общим для всех авторов пониманием сути проблемы. В сущности, это первое за многие годы обобщение современных представлений российской исторической и археологической науки о начальном периоде истории Русского государства.

Можно сказать, что рецензируемая книга — «редакторская». Ее тон задает введение, напи-

РУСЬ В IX—X ВЕКАХ: АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПАНОРАМА / Отв. ред. Н.А.Макаров

М.; Вологда: Древности Севера, 2012

санное академиком Н.А.Макаровым и посвященное анализу состояния археологических источников, их информационных возможностей, совпадений и, что особенно важно, несовпадений данных, которые получены археологами, историками и учеными естественнонаучных специальностей.

Источниковедческий подход развивают главы первой части книги «Источники: тексты и материальные памятники», написанные ведущими специалистами по ранней русской истории и археологии А.В.Назаренко, А.А.Гиппиусом, Н.А.Макаровым. Авторы не ставили своей задачей дать полный обзор документальных свидетельств и тем более истории периода начальной Руси, а остановились на проблеме фрагментарности и случайности имеющихся в распоряжении исследователей источников. Именно эта фрагментарность стала причиной противоречий данных. По словам А.В.Назаренко, это противоречие и должно стать «точкой приложения герменевтических усилий исследователей разного профиля» (с.35). Но и весьма разнообразный по смыслу и происхождению корпус письменных свидетельств о Руси IX в., не находящий пока подтверждения в археологии, и многослойность начального летописного свода, составляющая критически относиться к изложенным в нем фактам и не проводить поверхностных параллелей между ними и археологическими открытиями, и новые подходы к анализу материальных памятников — все это наряду с взаимной гармонизацией разнообразных данных стали тем ресурсом новой информации, который способен приблизить нас к объективному знанию.

В этих главах, как и во введении, задан общий тон всего содержания остальных частей книги, собственно, и составляющих археологическую панораму Руси IX—X вв. Современные знания изложены без попыток

втиснуть их в узкие рамки той или иной научной концепции, которыми так полна историография ранней Руси.

Другой важный основополагающий принцип структуры исследования — показ панорамы через мозаику региональных исследований. Четыре последующие части книги следуют этому принципу: «Северо-Запад», «Северо-Восток», «Запад» и «Юг». Именно региональный (даже микрорегиональный) подход наиболее продуктивен в современной археологии Руси. Он позволяет уйти от скороспелых обобщений и концепций. Чтобы сломать жесткие рамки довлеющих над нашей наукой стереотипов, потребовалось заново проанализировать отдельные явления и историю конкретных памятников.

Такое пространственное деление не случайно. Важнейшие узловые точки, которые анализируются в книге и имеют свою специфику как в развитии, так и в изучении, — Киев, правобережье и левобережье Днепра, Северная Русь (Новгород, Изборск, Псков), Смоленск и Полоцк, а также Северо-Восток (от Белоозера до Суздальского Ополя) и системы связей между ними. Остановимся на главных выводах.

Е.Н.Носов представил обоснования хронологических и функциональных различий Старой Ладogi (торгово-ремесленный центр), Городища (Рюрикова) в истоках р.Волхов (военно-административный центр Северной Руси середины IX—X вв.) и Новгорода, перенявшего эстафету столицы и религиозного центра у Городища на рубеже X—XI вв. Полемика вокруг интерпретации материалов Изборска, почти полностью раскопанного академиком В.В.Седовым, изложена Н.В.Лопатиным. Его вывод таков: гипотеза о лакуне X в. в Изборске не имеет прочных оснований, летописная статья о событиях 862 г. написана с учетом политических реалий начала XI в., когда потребова-

лось обоснование политических притязаний Ярослава. Псков стал образцом для всех городов Киевской Руси в системности и упорядоченности его археологического изучения. Этот «порядок» был вознагражден уникальными открытиями скандинавского аристократического (вероятно, родового) некрополя X в. на Старовознесенской возвышенности. Е.А.Яковлева и ее соавторы проследили динамику роста древнейшего поселения VIII—IX вв., приобретенного в начале X в. черты города.

По-разному шел процесс государственного строительства и в западнорусских землях. Гнездовский комплекс — классический пример политэтнического торгово-ремесленного центра. Он расположен на переломе водных систем, замыкавшихся на Киев и Новгород, при этом, как выяснили авторы, связи центра простирались до Скандинавии на севере, Византии на юге, Великой Моравии на западе и Волжской Болгарии на востоке (с.272). Полоцкая земля, напротив, оказалась в стороне от «магистрального геополитического стержня Древней Руси» (с.297). И.И.Еремеев высказывает и аргументирует тезис, что эти территории на протяжении IX в. и части X в. развивались преимущественно как явление самобытной восточнославянской культуры, вне активного славяно-скандинавского взаимодействия.

Изучение памятников Северо-Востока, в первую очередь, Суздальского Ополя (его исследования наши коллеги проводили уже в XXI в.), позволило представить масштаб роста экономики (если не обусловившей, то по крайней мере обеспечившей перемещение политического центра государства) за счет сельскохозяйственного освоения территории. На это указывают размеры и густота изученных селищ, связь между которыми осуществлялась по сухопутным дорогам. В других регионах этой зоны (Белозерье, Ярославском Поволжье, окрестностях озер Неро и

ываыаыаыфвфввыв

Плещеево) выявлены черты своеобразия как в экономических моделях, характере и интенсивности торговых связей, так и в отношениях славян с местным населением. Но в целом эти районы так же, как и Суздальское Ополе, как и Поозерье под Новгородом и нижнее течение р. Великой, были, прежде всего, зонами концентрации населения, стабильной системы расселения и экономической активности, т.е. той благодатной почвой, на которой зерно государственности быстро дало свои всходы.

Роль Киева, Киевской земли и всего Среднего Поднепровья в становлении государства на Руси рассмотрено А.В.Комаром с точки зрения новейших исследований на территории Киева (в первую очередь на Подоле) и их соответствия существующим концепциям о происхождении города. При этом современные представления о развитии местных политических структур тесно связаны с распространением в Поднепровье археологических памятников нескольких типов (волынцевских, Сахновки, Луки-Райковецкой, роменских), характеризующих разные процессы заселения этой территории. Киев, как ключевой памятник, демонстрирует последовательную смену поселений разных славянских культур вплоть до формирования центра древнерусской культуры. При этом как о едином поселении, общинном центре, можно говорить, только начиная с этапа Луки-

Райковецкой, а признаки престижной дружинной культуры появляются здесь в конце 9-го столетия. Тем не менее смена этих поселений рассматривается как непрерывный и постепенный процесс, тогда как связанный с распространением древнерусской культуры механизм огосударствления племенных территорий вызвал изменение самих поселенческих структур и рождение новых княжеских центров, таких, например, как Чернигов. Однако, по мнению А.В.Комара, эти перемены носили более сложный характер и включали не только формирование новых административных центров, но и изменения в использовании ландшафтно-хозяйственных зон. А.В.Григорьев выявляет сходные по механизмам и внешним проявлениям процессы интеграции территорий в систему Древнерусского государства к востоку от Днепра, на территории распространения роменской культуры.

В итоге в книге действительно складывается археологическая мозаика Восточной Европы IX—X вв., в которой было выработано несколько хозяйственных, поведенческих, социальных моделей, обусловленных спецификой географического, геополитического, конкретно-исторического свойства, которые в итоге привели к формированию древнерусской культуры и государственности. Перед читателями встают картины сложного и многогранного отрезка

русской истории, построенного на принципах честной археологии, без попыток умолчать факты или, наоборот, повернуть их в угоду какой-либо заранее обозначенной идее, что в последнее время мы нередко наблюдаем на страницах околонучной литературы. Авторы сознательно уходят от каких-либо скоропалительных обобщений, оставляя это право будущему.

Конечно, есть некоторые аспекты ранней истории Руси, которые в принципе нельзя ограничивать региональными рамками. Это, во-первых, межрегиональные связи, торговые пути, сыгравшие немаловажную роль в укреплении и скреплении молодого государства, а также те археологические источники, которые сами по себе — отражение становления государственной, княжеской, власти. Древнейшие русские монеты и знаки Рюриковичей на разнообразных предметах — прямое свидетельство рождения политических институтов. Этим вопросам посвящена последняя часть книги — «Становление Руси: пространство и власть».

Заключает книгу текст академика Н.А.Макарова о соотношении исторических свидетельств и археологических реалий. Здесь также представлен концептуальный вывод об историческом значении, многослойности и реальности понятия «древнерусская культура» в X в., ставшей «фундаментом для последующего многовекового развития Руси—России» (с. 459).

Книга, богато иллюстрированная предметами из собраний многочисленных музеев и археологических коллекций, не просто дает объективное и многомерное видение ранней Руси. Археологическая панорама построена на новейших и строго выверенных научных фактах, и это, пожалуй, первое такого рода собрание, которое способно стать прочной основой для дальнейших обобщений и надежным заслоном для недобросовестных спекуляций. ■